
Семейная идентичность подростков из семей различного типа

Строкова С.С., аспирант факультета клинической и специальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет; педагог-психолог Дергаевской средней общеобразовательной школы №23 (strokovass@gmail.com)

Данная статья отражает часть исследования, посвященного изучению семейной идентичности подростков из различных типов семьи. В статье рассматривается вопрос о наличии связи между особенностями семейной идентичности подростков и типом семьи, в которой они воспитываются. Данный вопрос является актуальным для исследования в условиях современного дискурса психологии семьи, в рамках которого довольно часто ставится проблема кризиса семьи, связанного с демографической ситуацией в стране, количеством разводов, распространением альтернативных форм брачных союзов и пр. Традиционно принято считать, что кризис семьи может негативно отражаться на переживании своей принадлежности к семье у детей и подростков, что создает социальный риск для них. Методом исследования является опросник, специально разработанный для целей исследования. По результатам эмпирического исследования делается вывод об отсутствии прямой связи между спецификой переживания принадлежности к своей семье у подростков, то есть, их семейной идентичностью, и типом семьи, в которой они воспитываются.

Ключевые слова: семья, психология семьи, тип семьи, семейная идентичность, опросник семейной идентичности, представления о семье, образ семьи, переживание принятия со стороны семьи.

Для цитаты:

Строкова С.С. Семейная идентичность подростков из семей различного типа. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С. 34-52. doi: 10.17759/psylaw.2017070104

For citation:

Strokovva S.S. Family identity of teenagers from families of various type. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp.34-52. doi: 10.17759/psylaw.2017070104

Введение

На протяжении последних десятилетий особенно часто можно встретить в литературе по психологии семьи описание так называемого «кризиса семьи», касающегося

изменения семьи как социального института в западной культуре. Современные исследователи отмечают повышение количества нуклеарных семей, снижение количества заключаемых браков и повышающееся количество разводов, популяризацию альтернативных форм брака и семьи (незарегистрированное сожительство, годвин-брак, однополые союзы, сознательно бездетные браки и т. д.) [8; 9; 10; 11; 23]. Такие изменения вызваны изменениями в обществе, ведущими за собой трансформацию модели семьи и ее функциональных характеристик. Действительно, современная российская семья отличается от традиционной модели семьи, представляющей собой разнополых партнеров с детьми, живущих на одной территории, ведущих совместный быт, распределяющих обязанности в соответствии с гендером. Такая ситуация вызывает резонанс как в общественном сознании, так и в психологических исследованиях. Интуитивно считается, что данные изменения могут негативно влиять на выстраиваемую модель семьи в сознании новых поколений, переживание ими своей принадлежности к родительской семье, а также некоторые особенности их социального благополучия. Однако до сих пор не было проведено целенаправленного исследования особенностей переживания своей принадлежности к семье, т. е. семейной идентичности, у подростков из различных типов семей (полная, неполная, бинуклеарная, замещающая). Представляется необходимым создание специального опросника, направленного на определение особенностей их семейной идентичности. Семейная идентичность исследовалась до настоящего момента с помощью различных методов, не направленных прямо на изучение феномена в целом, но на изучение отдельных ее аспектов, статусов или характеристик – в зависимости от специфики понимания самого феномена семейной идентичности.

Опросник, используемый в данном исследовании, разрабатывается непосредственно для достижения целей исследования, в том числе для установления наличия или отсутствия связи между особенностями семейной идентичности у подростков и типом семьи, в которой они воспитываются.

Исследования семейной идентичности

Задача исследования семейной идентичности подростков представляется достаточно сложной ввиду дефицита методов исследования семейной идентичности. Зачастую в зависимости от фокуса, на который направлен взгляд исследователя, каждый автор по-своему отбирает методы для изучения семейной идентичности. Обычно данные методы опираются на методы исследования семьи, а также ряд методов, направленных на изучение личностной идентичности. Так, можно выделить три основных подхода к пониманию и, соответственно, исследованию семейной идентичности. *Первый подход* строится на исследованиях групповой идентичности в целом и характеризуется ее пониманием как четырехстатусной модели описания себя в каком-либо групповом контексте (Э. Эрикссон, Дж. Марсиа, В.Р. Орестова). *Второй подход* к описанию и специфике исследования семейной идентичности предполагает понимание семейной идентичности как субъективного образа семьи, представленного различными аспектами (О.А. Минеева, Н.В. Лукьянченко). *Третья группа методов* исследования семейной идентичности отражена в работе А.М. Ерр и коллег (А.М. Ерр, L.L. Price), которые, основываясь на определении Беннетта, предлагают исследовать множество характеристик семейной идентичности.

Семейная идентичность как четырехстатусная модель

Первым, кто наиболее полно описал метод исследования идентичности, стал ученик Э. Эриксона, Дж. Марсиа [28]. Для определения особенностей идентичности Дж. Марсиа

предлагает модель четырех статусов. Критериями выделения статусов является решение или избегание ролевого конфликта, преодоление кризиса самоопределения, а также достигнутая или не достигнутая идентичность. Соответственно, выделяется 4 статуса:

- диффузная идентичность (если человек избегает решения ролевого конфликта, идентичность не достигнута);
- принятая идентичность (если человек не решал ролевой конфликт, но идентичность достигнута путем внешне навязанных моделей);
- мораторий (активно решается конфликт, идентичность не достигнута);
- достигнутая идентичность (конфликт решен, идентичность достигнута).

Дж. Марсиа и его коллеги разработали полуструктурированное интервью для определения статуса идентичности. В нем охвачены три сферы жизни: профессия, религия и политика. Каждая область оценивается согласно двум критериям: наличие кризиса и наличие уже сделанного выбора. Каждому статусу присваивается определенный балл: диффузная идентичность – 1, принятая – 2, мораторий – 3, достигнутая – 4. Для определения общего статуса идентичности Дж. Марсиа предложил подсчитать общую сумму, суммируя баллы, полученные в каждой из трех областей, и вводя статусный балл, и затем, пользуясь предложенной им таблицей со средними значениями, делать окончательные выводы [18].

Долгое время этот метод являлся чуть ли не единственным и главенствующим при изучении идентичности у многих авторов.

До сих пор практически во всех работах, посвященных изучению идентичности, методология исследования строится, в частности, на данном полуструктурированном интервью Дж. Марсиа. И это оправданно, поскольку данный метод обладает определенными достоинствами: он достаточно полно описывает особенности самоопределения человека, затрагивает многие жизненные сферы. Но при этом данный метод требует больших временных затрат для осуществления, а также высокой профессиональной компетенции интервьюера. Сам Дж. Марсиа отмечал, что все же нет твердого критерия для обработки и интерпретации данных интервью [28]. Автор рекомендует доверять более интуиции интервьюера, чем сумме баллов. Таким образом, объективность анализа и интерпретация данных остаются под вопросом и зависят от того, кто их анализирует и интерпретирует.

Данный метод был апробирован и модифицирован в нашей стране В.Р. Орестовой при исследовании личностной идентичности подростков [18]. Она выделила следующие значимые для формирования идентичности подростка сферы: профессиональное самоопределение, становление определенной идеологической позиции (включающей религиозное мировоззрение и политические убеждения) и освоение социальных ролей, включая половые роли и ожидания в отношении супружества и родительства (т. е. некоторые компоненты семейной идентичности) [18].

При исследовании идентичности подростков и молодых людей в области семьи В.Р. Орестова определяла статус идентичности. Показателем достигнутой идентичности являлась осознанно созданная модель «собственной семьи на основе переосмысления отношений в родительской семье» [18]. Если модель принятых в семье отношений не принималась подростком напрямую, хотя ее влияние было достаточно сильно, то такой

аттитюд определялся как статус «мораторий». В этом случае подросток анализировал семейные отношения, осуществлял поиск альтернативных путей построения отношений. Часто респонденты, относимые к данному статусу, представляли достаточно негативный образ семьи, противопоставляли себя семье. Как следствие, такие подростки говорили о неготовности на данном этапе к созданию своей семьи, так как еще не до конца определились с тем, какая она должна быть.

В случае, когда модель семейных отношений не анализировалась и подвергалась сомнению подростком, В.Р. Орестова говорила о статусе «предрешение». Тогда подростки, не анализируя особо модель отношений в семье, либо полностью ее принимали, либо полностью ее отрицали. Но разобраться в причинах такого переживания семьи они не могли. Такие подростки говорили о своей готовности создать семью «хоть завтра». Если подростки не выражали своей оценки происходящего в семье, но могли только лишь определить полюс эмоционального отношения к семейной ситуации, В.Р. Орестова говорила о диффузном статусе. О собственной семье такие подростки не задумывались.

По результатам исследования В.Р. Орестовой, для подросткового возраста в сфере семьи наиболее распространенным является статус диффузной идентичности – 47,8%. Менее характерны для этого возраста статусы моратория (27,8%) и предрешенной идентичности (24,4%). В.Р. Орестова также рассматривала развитие идентичности в сфере «семья» у юношей. Для этого возрастного этапа у нее получились следующие результаты: наиболее распространенным статусом является мораторий (44,7%). Далее следуют статусы диффузной идентичности (27,2%) и предрешения (24,3%). В этой возрастной группе уже появляется статус достигнутой идентичности, хотя он еще очень слабо выражен – 3,9% [18].

Исследование семейной идентичности как образа семьи

Данная группа исследований строится на основе понимания семейной идентичности как образа семьи. О.А. Минеева исследует содержание имплицитных теорий о семье, т. е. изучает и анализирует систему значений, которую человек использует для своего восприятия окружающего мира, а также и самого себя.

О.А. Минеева, исследуя, какими лексическими единицами различные группы испытуемых описывают семью, выяснила, что у юношей по сравнению с девушками более абстрактные и неопределенные представления о семье [17].

Н.В. Лукьянченко исследовала семейную идентичность осужденных женщин, имеющих малыша в доме ребенка, семейную идентичность молодых семей и гомосексуальных семей [13; 14; 15; 16]. Н.В. Лукьянченко определяет семейную идентичность как «... субъективный образ принадлежности к семейной группе, отражающий характеристики группы и своего функционирования в ней в структурном, содержательном (когнитивном) и эмоционально-оценочном аспектах».

Для исследования структурного образа семьи Н.В. Лукьянченко использует семейную социограмму Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса, а также опросник FACES-III Д.Х. Олсона; для исследования эмоционально-оценочного аспекта образа семьи – цветовой тест отношений А.М. Эткинды, а также опросник родительского отношения А.Я. Варги и В.В. Столина; для исследования когнитивного аспекта образа семьи – репертуарные решетки Дж. Келли.

Н.В. Лукьянченко выяснила, что характер представлений о семье и о своем месте в семье отличается у осужденных женщин, которые принижают свою значимость для семьи,

наиболее значимыми членами семьи для них являются другие женщины семьи, они склонны включать большее количество членов семьи в ее структуру, чем женщины в нормативных выборках. Также семейная идентичность отличается у людей, вступающих в гомосексуальные союзы, в зависимости от пола.

Е.А. Савкова изучала семейную идентичность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения семьи, и показала, что образ семьи у таких детей либо носит негативный оттенок, либо идеализированный и зачастую является неполным [21].

Семейная идентичность в рамках данного подхода исследуется, прежде всего, как образ семьи, как представления о ней членов семьи, а также отношение к самому образу.

Исследования семейной идентичности как исследование характеристик семьи

А.М. Ерр и L.L. Price в своей статье «Family identity: a framework of identity interplay in consumption practices» пытаются упорядочить существующие методы, использующиеся для изучения семейной идентичности [27]. Авторы берут за основу определение семейной идентичности М. Bennett (1988): «Семейная идентичность – это субъективное ощущение семьи, ее продолженности (протяженности) во времени, ее настоящей ситуации, ее характеристик. [Семейная идентичность] это гештальт качеств и атрибутов, которые составляют особенность семьи и отличают ее от других семей» [27, р. 51]. Данное определение напоминает во многом определение, данное Э. Эриксоном для определения идентичности, и характеризуется тем, что в нем не упоминается как таковая личностная составляющая семейной идентичности: ощущение не только семьи, но и своей принадлежности к этой семье.

А.М. Ерр и L.L. Price, исследуя феномен семейной идентичности, выдвигают предположение, что семейная идентичность состоит из трех компонентов: структура (structure), поколенческая ориентация (generational orientation) и характер (character) [27]. Структура семьи «... определяется через собственные представления членов семьи о своем месте в семье, ролях, а также, через описание семейных ритуалов, фокусирование на семейных связях». Предлагаются определенные методы для исследования компонентов семейной идентичности.

Авторы статьи предлагают исследовать семейную идентичность с точки зрения различных характеристик. Например, семейных ритуалов (которые могут исследоваться с помощью опросника семейных ритуалов (Fiese & Kline, 1993)); изучения нарративов (с помощью историй (Baumeister & Newman, 1994), коллективно рассказанных историй (Mandelbaum, 1987; Polanyi, 1985), нарративного анализа (Riessman, 1993), анализа «визуализированных текстов» («imagetexts») (Hirsch, 1997)); межпоколенческих связей (с помощью анализа семейных фотоальбомов); оценки семейных реликвий, «Незаконченных предложений», отслеживания передачи наследства. Кроме того, предлагается исследовать ежедневные способы взаимодействия членов семьи с помощью Семейной интегративной шкалы (Sebald & Andrews, 1962), дневников (Wheeler & Ries, 1991)); символы, места, события, культурные артефакты, которые определяют семейную группу (Baxter, 1987; Belk, 1988; Carbaugh, 1996), внутреннюю согласованность семейной идентичности членов семьи с помощью шкалы PERI Life Events (Dohrenwend et al., 1973), а также Critical point graphical interviewing technique (Braithwaite et al. 1998), адаптивных измерений межперсонального соглашения (как исследовали, к примеру, Mowday, Porter и Steers в 1982) и психологической вовлеченности в семью (как в исследовании Friedman и Greenhaus в 2000); совместное

желание изменить что-либо в идентичности – с помощью изучения планов семьи по решению своих проблем (Gengler, Reynolds, 2001); анализ семейных тем и проектов (Huffman, Ratneshwar, Mick, 2000); обзор изменений в ритуалах, целях (Escalas, Bettman, 2000); нарушения семейной идентичности – с помощью шкалы PERI Life Events (Dohrenwend et al. 1973), а также Critical point graphical interviewing technique (Braithwaite et al. 1998).

Действительно, авторы приводят множество возможных характеристик семейной идентичности, которые можно исследовать по отдельности и в совокупности. Однако вряд ли можно сказать, что, даже проведя такое разнообразное исследование, в результате будет получена целостная картина семейной идентичности, которая не является суммой ее характеристик. Ограничение данного подхода также в том, что такая процедура трудоемка как для исследователей, так и для возможных испытуемых.

Из приведенного анализа видно, что существующие на данный момент исследования семейной идентичности отличаются объектом исследования, однако строятся либо на основе понимания семейной идентичности как образа семьи (О.А. Минеева, Н.В. Лукьянченко, Е.А. Савкова), как четырехстатусной модели идентичности (Дж. Марсиа, А. Ватерман, В.Р. Орестова), либо как совокупности характеристик семьи (А.М. Епп, L.L. Price).

Однако все эти исследования семейной идентичности направлены на выявление различных компонентов семейной идентичности, но не феномена в целом. Исследование семейной идентичности подростков было проведено с помощью опросника семейной идентичности.

Описание метода

Опросник состоит из 38 утверждений, которые респондентам предлагается оценить в зависимости от степени своего согласия с каждым из них по 7-балльной шкале. Утверждения опросника касаются переживания респондентом своего семейного опыта: как он себе его представляет (когнитивный аспект), как он оценивает этот опыт, семью (ценностный аспект), как он эмоционально реагирует на происходящее в семье (эмоциональный аспект), насколько он участвует в жизни семьи (поведенческий аспект). Также в опроснике представлены утверждения, касающиеся наличия или отсутствия в прошлом поиска семейной идентичности. Некоторые вопросы направлены на выяснение степени принятия семьи, семейных ценностей, уклада. Такие вопросы призваны не только показать эмоциональную составляющую семейной идентичности, но и представить вниманию исследователя то, насколько положительный или отрицательный образ семьи формируется у человека.

С помощью факторного анализа было выделено шесть шкал опросника. Следует отметить, что опросник на данный момент находится в стадии разработки, проведение психометрических процедур показало, что три его шкалы (первая, вторая и четвертая) являются внутренне согласованными, другие – нуждаются в доработке. Однако уже сейчас можно привести данные, полученные с помощью согласованных шкал опросника.

Первая шкала «Переживание принятия» описывает характер переживаний подростком своего принятия другими членами семьи и направлена на изучение непосредственных эмоциональных реакций подростка на семью и является внутренне согласованной (Expl. Var 5,9 – общая дисперсия; Prp. Totl 0,15 – доля общей дисперсии; Альфа Кронбаха 0,62). Шкала является обратной, поэтому высокие баллы по шкале показывают

переживание подростком своей незначимости для семьи, нежелание много контактировать с семьей, отсутствие субъективного чувства своего принятия членами семьи.

Шкала включает такие утверждения, как: «Я чувствую, что я важен моей семье», «Я хочу, чтобы в моей будущей семье была такая же атмосфера, как в моей семье сейчас», «Я знаю, что мною в семьей довольны», «Я знаю: что бы я ни сделал, моя семья от меня не отвернется» и др. Утверждения, входящие в данную шкалу, описывают эмоциональный отклик подростка на семью, свою жизнь в семье. Затрагиваются такие вопросы, как: уверенность или неуверенность в безусловном принятии семьей подростка, его ответное принятие или непринятие семьи, выражающееся и на поведенческом уровне (заинтересованность в своих родственниках, желание проводить с ними время, желание проявлять свои чувства перед родственниками).

Вторая шкала «Ценность семьи» направлена на исследование ценностного аспекта семейной идентичности (Expl. Var 2,9; Prp. Totl 0,08, Альфа Кронбаха 0,65). Данная шкала помогает определить степень ценности семьи для подростка, а также содержание некоторых семейных ценностей. В эту шкалу входят такие вопросы, как: «Я понимаю, зачем человеку нужна семья», «Моя семья не хуже других семей», «Для меня важно защищать честь нашей семьи и ее членов от нападок других людей», «Я с уважением отношусь к ценностям членов моей семьи» и др. Высокие баллы по данной шкале означают высокую ценность семьи для подростка, его субъективное переживание значимости ценностей, транслируемых семьей. Низкие баллы показывают, что подросток не придает большого значения семье, считает свою семью не ценной, посредственной, не желает разделять и уважать ценности своей семьи.

На основе факторного анализа была выделена третья шкала «Образ семьи», отражающая когнитивный аспект семейной идентичности (Expl. Var 1,87; Prp. Totl 0,05, Альфа Кронбаха 0,46). Внутренняя согласованность данной шкалы является достаточно низкой из-за немногочисленности вопросов, входящих в нее, поэтому данная шкала нуждается в доработке, а результаты по ней могут рассматриваться только лишь на уровне тенденции. Утверждения этой шкалы отражают представленность образа реальной и идеальной семьи у подростков. Шкала включает в себя следующие утверждения: «В прошлом я не особо задумывался о том, чем моя семья отличается от других семей», «Я не знаю сейчас, чем моя семья отличается от других семей», «Я никогда не задумывался о том, какой должна быть семья». Высокие баллы по данной шкале показывают высокую степень разработанности образа семьи у подростка, предполагают его понимание особенностей собственной семьи, ее характерных черт, которые отличают его семью от других семей, размышления относительно идеального образа семьи.

Четвертая шкала «Вовлеченность» помогает определить вовлеченность подростка в жизнь семьи (Expl. Var 2,65; Prp. Totl 0,07, Альфа Кронбаха – 0,69). Шкала ориентирована на изучение поведенческих характеристик, определяющих степень участия подростка в жизни своей семьи, а также желание в ней участвовать. В шкалу входят такие утверждения, как: «Я люблю семейные посиделки, праздники», «В нашей семье есть определенные реликвии (ценные, памятные вещи), которые передаются из поколения в поколение», «Для меня важнее пообщаться с семьей, чем с друзьями», «В нашей семье есть определенные традиции, которым все стараются следовать» и др.

Высокие баллы по данной шкале означают высокую степень вовлеченности подростка в жизнь семьи, ощущение единства с семьей, знание традиций и ценностей семьи,

желание им соответствовать. Подросток, имеющий высокие баллы по четвертой шкале, является вовлеченным в жизнь семьи, активно в ней участвующим. Низкие баллы по данной шкале говорят о, наоборот, низкой степени вовлеченности в дела семьи, о возможной разобщенности в семье, отсутствии разделяемых всеми членами семьи традиций, ритуалов общения.

Пятая шкала – «Внутрисемейные коммуникации» (Expl. Var 1,47; Prp. Totl 0,04, Альфа Кронбаха – 0,17). Данная шкала, как и последующая, имеет низкую внутреннюю надежность из-за немногочисленности вопросов, вошедших в нее, и требует доработки. Шкала помогает определить степень открытости общения, характерной для семьи, восприятие критики подростком и пр. В данную шкалу входят такие вопросы, как: «В нашей семье принято общаться с другими родственниками», «Я не боюсь открыто выражать свои эмоции в присутствии моей семьи», «Для меня не важно, оценят ли мои успехи мои родственники» и др. Высокие баллы по данной шкале говорят об открытости общения подростка со своей семьей, отсутствии необходимости играть какую-либо роль перед членами семьи, отсутствии желания показаться хорошим мальчиком или хорошей девочкой. Также высокие баллы говорят о высокой степени конгруэнтности общения, характерной для данной семьи, желании общаться не только в рамках нуклеарной семьи, но и с расширенной семьей. С помощью данной шкалы определяется субъективное ощущение подростка о степени открытости общения между членами семьи.

Последняя, шестая, шкала «История семьи» направлена на выявление отношения подростка к истории своей семьи, однако нуждается в доработке (Expl. Var 2,04; Prp. Totl 0,05, Альфа Кронбаха – 0,45). Шкала помогает определить, насколько подросток понимает значимость представленности семьи не только здесь и сейчас, но и на протяжении времени, интересуется ли подросток историей своего рода, своей семьи, задумывается ли он о том, кто входит или входил в его семью. Данная шкала также представляет собой одну из категорий, отражающих когнитивный аспект семейной идентичности.

Характеристика выборки

В исследовании участвовали 360 подростков из разных типов семей. Тип семьи определялся с помощью специально разработанной анкеты, направленной, в том числе, на определение состава семьи. В выборку входили подростки от 10 до 17 лет различного пола. Все подростки проживают в г. Раменское Московской области, обучаются в Дергаевской средней общеобразовательной школе № 23.

В табл. 1 представлена характеристика выборки в зависимости от типа семьи:

Таблица 1

Группы испытуемых

Характеристики испытуемых. Тип семьи	Всего	Мальчики	Девочки	Младший подростковый возраст (10–13 лет)		Старший подростковый возраст (14–17 лет)	
				Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки
Полная	222	88	134	38	86	50	48
Неполная	66	37	29	22	12	15	17
Бинуклеарная	60	23	37	13	15	10	22
Замещающая	12	6	6	3	1	3	5
Всего	360	154	206	76	114	78	92

Результаты

Результаты опросника по группам семьи представлены в следующей таблице.

Таблица 2

Распределение данных в зависимости от типа семьи

Тип семьи	1. Переживание принятия семьей	2. Семья как ценность	3. Представленность образа семьи	4. Вовлеченность в жизнь семьи	5. Внутрисемейные коммуникации	6. Восприятие истории семьи
Полная	2,47(1,83)	6,57(1,02)	3,67(2,46)	5,17(1,9)	4,63(2,04)	4,86(2)
Неполная	2,52(1,77)	6,59(0,89)	3,72(2,29)	5,01(1,94)	4,6(2,02)	5,05(1,94)
Бинуклеарная	2,78(1,89)	6,57(1,03)	3,59(2,37)	4,73(2,16)	4,33(2,04)	4,65(2,06)
Замещающая	2,32(1,94)	6,23(1,42)	3,78(2,57)	5,01(1,99)	4,29(2,16)	5,08(2,13)

Примечание: Указаны средние значения и стандартные отклонения (в скобках) по шкалам опросника семейной идентичности у подростков из семей различного типа.

В ходе статистического анализа данных значимых различий между группами выявлено не было (данные анализировались с помощью t-критерия Стьюдента). Корреляционный анализ также не выявил связи между типом семьи и показателями по семейной идентичности подростка (анализ проводился с помощью коэффициента корреляций Спирмена). Таким образом, гипотеза о существовании связи между особенностями семейной идентичности подростка и типом семьи, в которой он воспитывается, не была подтверждена.

Однако можно сказать несколько слов о наблюдаемых тенденциях по группам подростков в целом, показывающих наличную ситуацию, характеризующую переживания современных подростков о своей семье.

По первым двум шкалам можно констатировать, что для большинства подростков характерно, скорее, переживание своего принятия со стороны семьи (2,32–2,78 баллов из 7, стоит учесть, что данная шкала – обратная, т. е., низкие баллы по шкале указывают на переживание принятия себя со стороны семьи), а также придание высокой ценности семье (6,23–6,59 баллов из 7). Это показывает, что для подавляющего большинства подростков характерно позитивное представление о семье, желание представлять свою семью как принимающую группу, представлять себя значимым для этой группы. Вовлеченность подростков в жизнь семьи несколько выше средних баллов по шкале (4,35–5,17 баллов из 7).

Если качественно анализировать данные и просматривать «сырые» баллы по первым двум шкалам, можно заметить, что есть некоторые подростки, которые дают ответы, совершенно отличающиеся от ответов сверстников, т. е. представляют свою семью не принимающей их, враждебной, хотя ценность семьи может для них оставаться достаточно высокой. Также у таких подростков соответствующие ответы по другим шкалам, представляющие их семью как среду со сложностями во внутрисемейных коммуникациях.

Для примера можно привести типичные для большинства испытуемых ответы, как, например, у испытуемой А., и нетипичные, отличающиеся ответы, как, например, у испытуемой И (см. Рис.1). Испытуемая А. – девушка, 15 лет, из неполной семьи, воспитывается матерью, есть брат. Испытуемая И. – девушка, 14 лет, живет в бинуклеарной семье, по результатам бесед с классным руководителем, родителями и самой испытуемой, отношения в семье достаточно сложные.

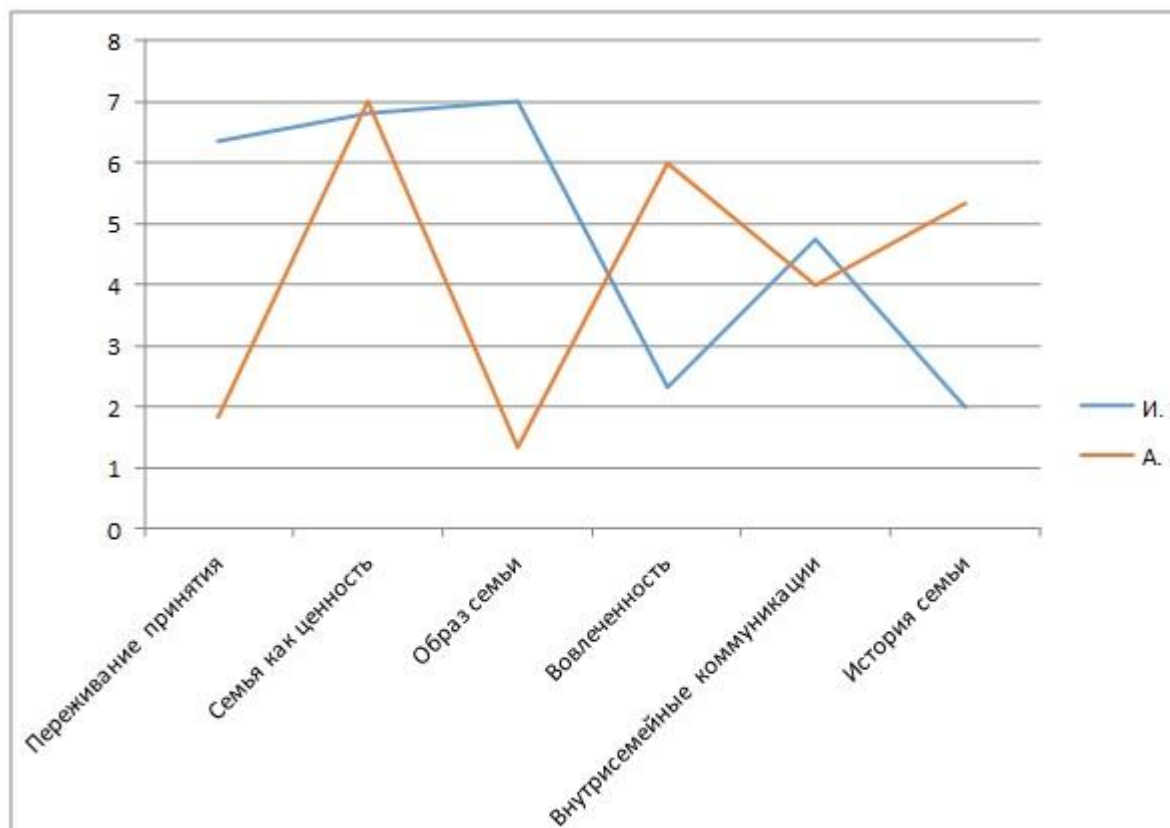

Рис. 1. График распределения данных по шкалам опросника Семейной идентичности у испытуемых И. и А.

По первой шкале «*Переживания своего принятия*» со стороны семьи данные у испытуемых значительно расходятся. У испытуемой А. есть ощущение принятия себя со стороны семьи, об этом говорят низкие баллы по шкале. У испытуемой И., наоборот, уверенность, что семья ее не принимает, что она чаще вызывает у своих родственников раздражение и неудовлетворенность, об этом говорят высокие баллы по шкале.

По второй шкале «*Ценность семьи*» результаты у обеих испытуемых достаточно похожи. Это может говорить о том, что, несмотря на негативные чувства относительно семьи и сложность отношений внутри семьи, для подростка важно сохранять высокую ценность семьи как суждение, не подвергающееся критике.

Интересны диаметрально противоположные результаты по третьей шкале, помогающей определить представленность образа семьи у подростка. Такая тенденция наблюдается и в общем по группам: подростки, менее удовлетворенные ситуацией в семье имеют большую представленность образа семьи, т. е., возможно, больше размышляют о том, какой должна быть семья, и какова их семья. К примеру, у испытуемой А., которая, судя по остальным шкалам, чувствует себя принятой со стороны семьи, вовлеченной в семейную деятельность, представленность образа семьи достаточно низкая. Низкие баллы по данной шкале говорят о том, что подросток, возможно, не так много думает об особенностях своей семьи, не пытается выстроить и сопоставить образ своей семьи и идеальной семьи. Данные были получены по шкале с недостаточной внутренней согласованностью, поэтому приводятся результаты по другим тестам, связанным содержательно со шкалой «*Образ семьи*».

Данные соответствуют результатам этих же испытуемых по другим методикам изучения их представлений о семье. Так, в модифицированной методике И.С. Куна «*Моя семья...*», где испытуемым предлагалось за ограниченное время написать как можно больше продолжений этой фразы, испытуемая А. написала всего 4 продолжения фразы, а испытуемая И. дала 10 определений, что говорит о большей разработанности образа семьи у испытуемой И. По содержанию характеристик, которые испытуемые приписывают своей семье, также можно наблюдать сильные различия. Так, испытуемая А., переживающая принятие своей семьей, по результатам опросника семейной идентичности, представляет следующие характеристики своей семьи: «*частичка чего-то родного, это самое святое, самое дорогое, что у меня есть, это то, что важнее всего*». Можно видеть, что по содержанию образа семьи в этих характеристиках сказано мало, однако признается величайшая ценность семьи, образ семьи однозначно положительный. В характеристиках, которые дает испытуемая И. о своей семье, наблюдается другой эмоциональный окрас, но и другая степень проработанности образа семьи: «*полное непонимание, место, где мне не комфортно, не принято доверять друг другу, место, где каждый живет по своим правилам*». Среди последних характеристик есть указание на характер отношений между членами семьи, согласованность их действий, наличие или отсутствие общих для членов семьи правил, что не приводится в описании своей семьи у испытуемой А.

По четвертой шкале «*Вовлеченность*» также данные у обеих испытуемых отличаются. Испытуемая А. вовлечена в деятельность семьи, испытуемая И. – в значительно меньшей степени. Похожи результаты у испытуемых по шкале «*Внутрисемейные коммуникации*», а по шкале «*Восприятие семейной истории*» испытуемая А. показывает больший балл, чем испытуемая И. Это говорит о том, что она заинтересована в большей степени историей своей семьи, чем испытуемая И.

На примере этих двух испытуемых были показаны возможности опросника, который в данный момент дорабатывается. Однако следует сказать, что все представленные результаты должны восприниматься скорее как предварительные результаты, указывающие на возможные тенденции особенностей семейной идентичности у подростков. Доработка опросника будет включать в себя уравнивание шкал, проверку на валидность и надежность, а также перевод сырых баллов по шкалам в стандартизированные баллы.

Обсуждение результатов

Многие исследователи полагают, что институт семьи в последние несколько десятилетий претерпевает множественные изменения, однако взгляд на данные изменения может различаться у каждого автора [1; 8; 9; 10; 24]. Высказываются опасения относительно неправильно строящейся модели семьи у подрастающего поколения в связи с расшатывающимися нормами семейного устройства, что может приводить к повышению социального риска у них [8]. Но при этом исследуется, прежде всего, объективная картина семьи. К примеру, в исследовании С.О. Докучаевой показано, что в неполных семьях дети не наблюдают модели супружеских отношений, и женщины, пережившие развод родителей в детском возрасте, в своей супружеской жизни также чаще переживают развод [8]. О.А. Карабанова пишет о «наметившихся за последнее десятилетие тревожных тенденциях, свидетельствующих о кризисных явлениях в жизни семьи» [10].

Из опасений относительно изменяющихся структурных характеристик модели семьи делаются предположения о возможных трудностях в формировании картины своей семьи у детей, растущих в условиях таких изменений. Несмотря на количество предположений по данному поводу, исследований связи между особенностями переживания подростком своей принадлежности к семье и типом семьи, в которой он живет, не проводилось до сих пор. Результаты данного исследования показывают, что предположение о существовании такой связи не соответствует действительной ситуации. Различий по особенностям семейной идентичности между группами в зависимости от типа семьи, в которой воспитывается подросток, получено не было.

Можно различить две реальности семьи: объективную, отражающую, в частности, состав семьи, и субъективную – т. е. переживание своей принадлежности к семье, в том числе, принятия со стороны семьи, придания ей ценности, стремления быть вовлеченным в жизнь семьи и готовность к открытости внутрисемейных коммуникаций, проработанности образа семьи и интереса к истории семьи. Результаты исследования говорят о том, что субъективная картина семьи оказывается независимой от непосредственной структуры семьи. Таким образом, можно сделать вывод, что состав семьи не влияет прямо на особенности переживания подростком своей принадлежности к семье. То есть то, воспитывается подросток в полной или неполной семье, в замещающей семье или в семье, где родители состоят в повторном браке, не влияет непосредственно на его переживания относительно своей семьи.

Выводы

В данной статье были приведены результаты исследования особенностей семейной идентичности подростков из различных семей. Были получены данные, характеризующие особенности семейной идентичности между группами подростков в зависимости от типа

семьи, в которой они воспитываются. Несмотря на интуитивные представления о возможном дисфункциональном характере семейной идентичности у подростков из семей, отличающихся от традиционных, эти предположения не были подтверждены в ходе эмпирического исследования. Статистический анализ полученных результатов не выявил значимых различий между группами. Корреляционный анализ показал отсутствие связи между данными по группам и типом семьи, в которой воспитывается подросток. Таким образом, был сделан вывод об отсутствии связи между особенностями семейной идентичности у подростка и типом его семьи (полная, неполная, бинуклеарная, замещающая).

Работа была выполнена на базе МОУ Дергаевская СОШ № 23.

Литература

1. Аккерман Н. Семейный подход к супружеским расстройствам [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2004. № 4. <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2727> (дата обращения: 06.06.2016).
2. Аликин И.А., Лукьянченко Н.В., Новикова Е.А. Семейная идентичности заключенных женщин, имеющих малыша в доме ребенка исправительного учреждения: общее и типическое // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2012. № 4. С. 64–72.
3. Будинайте Г.Л., Коган-Лернер Л.Б. Особенности восприятия ребенком 6–8 лет структуры семьи в ситуации развода // Консультативная психология и психотерапия. 2011 № 2. С.91–110.
4. Варга А.Я., Хамитова И.Ю. Теория семейных систем Мюррея Боуэна // Московский психотерапевтический журнал. 2005. № 1. С. 137–146.
5. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: МГУ, 1984. 240 с.
6. Гротевант Г., Данбар Н., Колер Дж.К., Лэш И., Ами М. Идентичность приемного ребенка: влияние семейной обстановки и социального окружения на ее формирование // Family relations, oct. 2000. Vol. 49. Iss. 4. P. 379–388.
7. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи. М.: Институт социологии РАН, 2010. 184 с.
8. Докучаева С.О. Влияние родительской семьи на построение супружеской семьи в следующем поколении // Психологическая наука и образование. 2005. № 3. С. 41–55.
9. Дружинин В.Н. Психология семьи: 3-е изд. СПб.: Питер, 2006. 176 с.
10. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2005. 320 с.
11. Карпова В.М., Филиппова Е.В. Представления о родительской и будущей семье в подростковом и юношеском возрасте // Психологическая наука и образование.

2013. № 4. С. 84–97.

12. Кузьмин М.Ю., Конопак И.А. Влияние структуры семьи на идентичность школьника // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2014 Т. 7. С.28–41.
13. Лукьянченко Н.В. Проблема места и роли семьи в социальных контекстах жизнедеятельности личности // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева. 2011. № 4. С. 162–165.
14. Лукьянченко Н.В. Семейная идентичность мужчин и женщин, состоящих в однополых союзах // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2011. № 4. С. 37–43.
15. Лукьянченко Н.В. Семейная идентичность супругов на этапе перехода от молодой семьи к зрелой // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 10. С. 283–294.
16. Лукьянченко Н.В., Новикова Е.А. Особенности семейной идентичности женщин, обывающих наказание в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3. С. 78–85.
17. Минеева О.А. Возрастные и гендерные особенности содержания имплицитных теорий семьи автореф. Дисс. ... канд психол. наук. М.: МГУ, 2011. 35 с.
18. Орестова В.Р. Формирование личностной идентичности в старшем подростковом и юношеском возрасте: дисс... канд. психол. наук М., 2001. 178 с.
19. Ослон В.Н. Репрезентации родителей и себя в картине мира ребенка-сироты // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». 2012. № 4. С.1–18.
20. Рогач М.С. Психологический анализ сиблинговых отношений в семье с помощью проективной методики «Рисунок семьи» // Актуальные проблемы психологического знания. 2012. № 3. С. 89–94.
21. Савкова Е.А. Семейная идентичность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Психическая депривация детей в трудной жизненной ситуации: образовательные технологии профилактики, реабилитации, сопровождения. С. 14-16.
22. Слепкова В.И., Заeko Т.А. Практикум по психологической диагностике семейных отношений: учеб.-метод. комплекс. Мн., 2003. 339 с.
23. Строкова С.С. Направления изучения семейной идентичности в психологии // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22. № 3. С. 8–22.
24. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений: курс лекций. М.: Апрель-Пресс; Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 512 с.
25. Эриксон Э. Детство и общество. 2-е изд., 1963. 200 с.
26. Cigoli V., Scabini E. Family identity: ties, Symbols, and Transitions. London: Lawrence Erlbaum Associates, Inc, 2006. 235 p.

27. *Epp A.M., Price L.L.* Family identity: A framework of Identity Interplay in Consumption Practices // Journal of consumer research, 2008, no. 35. Chicago: The University of Chicago Press. P. 50–70.
28. *Marcia E.J.* Development and validation of Ego-Identity Status // Journal of personality and social psychology. 1966. Vol. 3. № 5. P. 551–558.

Family identity of teenagers from families of various type

Strokova S.S., postgraduate student of the faculty of clinical and special psychology, Moscow state psychological-pedagogical University; teacher and psychologist Delewski secondary school No. 23 (strokovass@gmail.com)

This article reflects part of the research devoted to studying family identity in adolescents from different types of family. The article discusses the relationship between features of family identity and adolescents by type of family in which they are raised. This issue is relevant to research in contemporary discourse of family psychology, which quite often raises the problem of family crisis associated with the demographic situation in the country, the number of divorces, the spread of alternative forms of marital unions, etc. It is traditionally believed that the family crisis could have a negative impact on the experience of his family belonging in children and adolescents, creating a social risk for them. The research method is a questionnaire specifically designed for research purposes. According to the results of empirical research the conclusion about the lack of direct links between specific experiences of belonging to his family in adolescents, i.e., their family identity, and family type in which they are raised.

Key words: family, psychology of family, type of family, family identity, family identity questionnaire, views on the family, the family way, the experience of adoption from the family.

References

1. Akkerman N. Semejnyj podhod k supruzheskim rasstrojstvam [Family approach to marital disorders]//*Zhurnal prakticheskoj psihologii i psihoanaliza [Practical psychology and psychoanalyses magazine]*. 2004. no 4. URL: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2727> [(Accessed 06.06.2016) (In Russ.)]
2. Alikin I.A., Luk'yanchenko N.V., Novikova E.A. Semejnaya identichnosti zaklyuchennykh zhenshhin, imeyushhikh malysya v dome rebenka ispravitel'nogo uchrezhdeniya: obshhee i tipicheskoe [Family identity of the imprisoned women who have a baby in a children's home of the prison; common and typical] // *Vestnik MGOU. Seriya «Psikhologicheskie nauki» [MSEU bulletin, series Psychological sciences]*. 2012. no 4. pp.64-72.
3. Budinajte G.L., Kogan-Lerner L.B. Osobennosti vospriyatiya rebenkom 6-8 let struktury sem'i v situatsii razvoda [6-8 years old child's specifics of perception of the family structure in divorce]// *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Consulting psychology and psychoteraphy]*. 2011 no 2. pp.91-110.

-
4. Varga A.Ya., Khamitova I.YU. Teoriya semejnykh sistem Myurreya Bouehna [The theory of family system by Murray Bowen]// *Moskovskij psikhoterapevticheskij zhurnal [Moscow Psychotherapeutic Journal]*. 2005. no 1. pp. 137-146.
 5. Vasilyuk, F.E. Psikhologiya perezhivaniya [Psychology of experience]. Moscow: MSU, 1984. 240 p.
 6. Grotevant G., Danbar N., Koler Dzh.K., Lehsh I., Ami M. Identichnost' priemnogo rebenka: vliyanie semejnoy obstanovki i sotsial'nogo okruzeniya na ee formirovanie [The adopted child's identity: the family conditions and social environment influence on it] // *Family relations*, 2000, Vol. 49, Issue 4, pp.379-388. (In Russ.)
 7. Gurko T.A. Teoreticheskie podkhody k izucheniyu sem'i [Theoretical approaches to the family research]. Moscow: Institut sotsiologii RAN [Institute of sociology of RAS], 2010. – 184 p.
 8. Dokuchaeva S.O. Vliyanie roditel'skoj sem'i na postroenie supruzheskoj sem'i v sledujushhem pokolenii [Parental family influence on the constructing of marital family in the next generation] // *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie [Psychological science and education]*. 2005. no 3. pp. 41–55. (In Russ., Abstr. in Engl.).
 9. Druzhinin V.N. Psihologija sem'i [Family psychology]: 3-e izd. Saint-Petersburg: Piter, 2006. 176 p.
 10. Karabanova O.A. Psihologija semejnyh otnoshenij i osnovy semejnogo konsul'tirovanija [Family relationship psychology and family counseling basis]. Moscow: Gardariki, 2005. 320 p.
 11. Karpova V.M., Filippova E.V. Predstavlenija o roditel'skoj i budushhej sem'e v podrostkovom i junosheskom vozraste [Parental and future family representations in teenagers' and youth age]// *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie [Psychological science and Education]*. 2013. no 4. pp. 84–97. (In Russ., Abstr. in Engl.).
 12. Kuz'min M.Yu., Konopak I.A. Vliyanie struktury sem'i na identichnost' shkol'nika [Family structure influence on the schoolchild's identity]// *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Psikhologiya». [Irkutsk State University news. Series Psychology]*. 2014 Vol.7. pp.28-41.
 13. Luk'yanchenko N.V. Problema mesta i roli sem'i v sotsial'nykh kontekstakh zhiznedeyatel'nosti lichnosti [The problem of space and role of the family in social contexts of the personality livelihood]// *Vestnik Krasnoyarskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. V.P. Astaf'eva [Krasnoyarsk State Pedagogical University of V.P. Astafiev Bulletin]*. 2011. no4. pp. 162-165.
 14. Luk'yanchenko N.V. Semejnaya identichnost' muzhchin i zhenshhin, sostoyashhikh v odnopolykh soyuzakh [Family identity of men and women in homosexual marital union] // *Vestnik MGOU. Seriya «Psikhologicheskie nauki» [MSEU Bulletin. Series "Psychological Sciences"]*, 2011. no 4. pp. 37-43.

15. Luk'yanchenko N.V. Semejnaya identichnost' suprugov na ehtape perekhoda ot molodoj sem'i k zreloj [Spouses' family identity in the period of transformation from young family to mature family]// *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal [Siberian Pedagogical Magazine]*. 2010. no 10. pp. 283-294. (In Russ., Abstr. in Engl.).
16. Luk'yanchenko N.V., Novikova E.A. Osobennosti semejnoj identchnosti zhenshhin, obyvyayushhikh nakazanie v mestakh lisheniya svobody [Family identity of men and women in homosexual marital union] // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Application Judicial Psychology]*. 2011. no 3. pp. 78-85. (In Russ., Abstr. in Engl.).
17. Mineeva O.A. Vozrastnye i gendernye osobennosti sodержaniya implitsitnykh teorij sem'i. Avtoref. diss... kand psikhol. nauk [Age and gender specifics of implicit family theories content. PhD. (Psychology) Thesis]. Moscow: MSU, 2011. 35 p.
18. Orestova V.R. Formirovanie lichnostnoj identichnosti v starshem podrostkovom i yunosheskom vozraste [Personal Identity forming of the elder teenagers and youth. PhD. (Psychology) Diss.]. Moscow, 2001. 178 p.
19. Oslon V.N. Reprezentatsii roditelej i sebya v kartine mira rebenka-siroty [Parents and self representations in the orphan child's world picture]// *EHlektronnyj zhurnal «Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie» [Electronical magazine "Psychological science and educational"]*. 2012. no4. pp.1-18. (In Russ., Abstr. in Engl.).
20. Rogach M.S. Psikhologicheskij analiz siblingovykh otnoshenij v sem'e s pomoshh'yu proektivnoj metodiki «Risunok sem'i» [Psychological analyses of the sibling relationship in the family with a help of projective method "Family picture"] // *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya [Actual problems of psychological knowlndge]*. 2012. no3. – pp. 89-94.
21. Savkova E.A. Semejnaja identichnost' detej-sirot i detej, ostavshihsja bez popechenija roditelej [Family identity of the orphan children and the children without parents] // *Psihicheskaja deprivacija detej v trudnoj zhiznennoj situacii: obrazovatel'nye tehnologii profilaktiki, rehabilitacii, soprovozhdenija [Psychological deprivation of the children in the difficult live situation: educational technologies of the prevention, rehabilitation, maintenance]*. pp. 14-17.
22. Slepko V.I., Zaeko T.A. Praktikum po psikhologicheskoi diagnostike semejnykh otnoshenij. Uchebno-metodicheskij kompleks [Practicum in psychological diagnostics of family relationship. Educational-methodic complex]. Minsk.; 2003, 339 p.
23. Strokova S.S. Napravleniya izucheniya semejnoj identichnosti v psikhologii [[Approaches to family identity research in psychology] // *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*. 2014. Vol.22. no3. pp.8–22. (In Russ., Abstr. in Engl.).
24. Shnejder L.B. Psihologija semejnykh otnoshenij. Kurs lekcij. [Psychology of family relationship. Lecture course.] Moscow: Aprel'-Press, Izd-vo JeKSMO-Press, 2000. 512 p.
25. Ehrikson E. Detstvo i obshhestvo [Childhood and Society]. 2-e izd., 1963. 200 p.

26. Cigoli V., Scabini E. Family identity: ties, Symbols, and Transitions. London: Lawrence Erlbaum Associates, Inc, 2006. 235 p.
27. Epp A.M., Price L.L. Family identity: A framework of Identity Interplay in Consumption Practices. Journal of consumer research, Inc. Vol.35, June 2008. Chicago: The University of Chicago Press, 2008. pp. 50-70.
28. Marcia E.J. Development and validation of Ego-Identity Status// *Journal of personality and social psychology*. 1966, Vol. 3, no 5. pp. 551-558.